

ОБЩЕСТВО: ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ

УДК 316.4+321.02

СОЦИАЛЬНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ: ПРИНЦИПЫ, СВЯЗЬ С ПОЛИТИКОЙ

А.А. Шпак

Кемеровский государственный
университет

shpakll@mail.ru

В статье характеризуются принципы социального утилитаризма во взаимосвязи с политикой. Автор не отождествляет социальный утилитаризм с холодным прагматизмом, безучастным к судьбам людей и опирающимся на чистую выгоду момента. Не тождествен социальному утилитаризму и политический реализм, вполне пригодный во взаимодействии политических субъектов уровня институтов. Основной акцент делается на социально комфортном сосуществовании людей в обществе в интересах развития личности, включенной в политику для преобразования социальных отношений и практик. Подчеркивается противоречивость массовизации идей под флагом огосударствления всей общественной жизни, доминирования институтов над личностью. Автор рассматривает формирование принципов утилитаризма в историко-социологическом аспекте.

Ключевые слова: утилитаризм социальный, принципы социального утилитаризма, личность, политика, массовизация идей, практики политические, отношения социальные.

Отдельными проблемами утилитаризма сегодня занимаются немногие исследователи. К их числу относятся А.С. Ахиезер, В.И. Бенедиктова, П.А. Гаджигурбанова, А.А. Гусейнов, Б.А. Ефимов, Б.Н. Капшиков, Л.И. Макарова, Ю.В. Осипова, Г.Г. Пирогов, М.А. Сторчевой, С.О. Хан-Магомедов, Е.Н. Яркова и др.

Ранее проблем утилитаризма касались такие известные философы и социологи, как В.А. Гольцев, И.А. Ильин, Н.И. Кареев, П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, П.А. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.Г. Плеханов, Е.В. Де-Роберти, Е.В. Спекторский, В.М. Чернов, С.Л. Франк, С.Н. Южаков и др. Тема утилитаризма затрагивалась в работах историков, юристов, исследователей морали.

Междисциплинарный подход вполне может быть сегодня объединяющей основой и оправданной возможностью многоаспектного анализа концепций и принципов утилитаризма. Социологов привлекает возможность найти социальные и политические связи принципов утилитаризма с повседневной жизнью людей, их взаимодействием, политическими практиками.

Классический утилитаризм английских ученых Иеремея (Джерели) Бентама (1778–1842), его ученика и продолжателя Джона Стюарта Милля (1806–1873) и др. не объяснял, как избежать или преодолеть масштабные нарушения прав человека в обществе, какие барьеры поставить на пути социальной дискриминации, как сохранить нормативно-ценностную систему обще-

ства, по справедливости распределить тяготы жизни между бедными и богатыми, чем компенсировать зло, порожденное богатыми, но доставшееся обездоленным людям.

В пику прагматикам утилитаристы ставили вопрос о нравственно оправданных средствах достижения цели (жизни, взаимодействия, поведения). Они утверждали, что цель нужно достигать с наименьшими трудностями, издержками. Происхождение человека не играет особой роли в распределении благ в обществе. Поворот к социальному означает некий отказ от распространения альтруистических деяний, но акцент делался на эгалитаристском подходе. Требуется своеобразная уравниловка. Человек удовлетворяет свои желания максимально выгодно, эффективно, полезно. Для этого он использует статусно-иерархические преимущества: деньги, знакомства, власть, талант. Так люди преодолевают неравенства, страх, суеверия, предрассудки, невежество.

В истории социологии принципы утилитаризма выводились на основе наработанного философского, культурологического, досоциологического и социологического материала.

Например, по крупницам собирались характеристики принципа **общей пользы и полезности**. Проводилось сравнение альтруизма и полезности, подчеркивалась разница между эпикурейством и собственно утилитаристскими представлениями, выводились социальные типы, способные привести человечество от моральной анархии к прочной нравственности и законам прогресса.

Исследователи сравнивали эпикурейские моральные аксиомы с принципами, изложенными И. Бентамом и Дж.С. Миллем, опирались на эволюцию взглядов Ницше

и Шопенгауэра по близким вопросам. Аксиомы Эпикура просты: (а) удовольствие не должно причинять страдания другим людям; (б) надо заниматься трудом, приносящим удовольствие; (в) следует избегать удовольствия, мешающего получать еще большие удовольствия или причиняющего «несоответственное огорчение»; (г) надо терпеливо переносить огорчения, избавляющие от более сильного или обеспечивающие большое удовольствие.

Российский социолог В.М. Хвостов проследил метания Ницше, его отрицание морали в интересах особой будущей морали и сверхчеловека. Посылка Ницше: человек возвышает школа великого страдания. Прогресс культурного развития обеспечивают редкие, высшие экземпляры людей, а не общество. Над «стадом» людей, массой возвышаются сильные, гениальные натуры, признающие только созданное собой, абсолютно свободные личности. Хвостов не разделяет триаду Ницше: человеческое стадо – это расплывчатая копия великих людей, изготовленная на плохой бумаге с подержанным клише; это нечто противодействующее великим людям; это орудие великих людей.

Ницше воспевае разрушителя ценностей, восстает против понятий добра и зла, сострадания. Он предлагает своеобразную иерархию в социальной касте: наверху находятся немногие одаренные; посредине – сильные мускулами и темпераментами, внизу – обыкновенные, посредственные люди, находящие счастье в повинности. Массы – это «слишком многие», стадо с «жужжанием ядовитых мух». Удел избранных натур – гордое одиночество. Гений-одиночка должен остерегаться добрых и справедливых людей. По Ницше, «жизнь – это источник наслаждения; но где с нами

пшет всякий сброд, там все колодцы отравлены» [30, с. 50–51, 76].

Больной и много страдающий от недугов в конце жизни, Ницше делает акцент на воле к жизни, означающей и *волю к власти*. Его герой выступает против общего блага и против сострадания, которое унижает сверхчеловека, ослабляет его жизненную энергию. Во имя будущей героизированной культуры общества сверхчеловек должен отрешиться от всяких пут общества, от предрассудков, от всяких влияний извне. Торжество воли к жизни в том, что человек отказывается от жажды грубых наслаждений. В.М. Хвостов пишет, что поздний Ницше, болезненно эгоистичный и амбициозный, абсолютизировал свою волю к власти, он отрицает бога во имя чистой воли без долга. Ницше, даже признававший научное познание счастьем, страстью, не смог осилить основных требований позитивизма: сбора фактов, терпеливого наблюдения и внимательной проверки. Наука с ее строгими требованиями была для него тяжелым гнетом [30, с. 54–55, 63].

В.М. Чернов – известный социолог, теоретик партии социалистов-революционеров в России – сопоставляет взгляды Ницше и Льва Толстого на проблему добра и зла, общей пользы и счастья, идеала и реальности. Идеал критически мыслящей и сверхактивной личности, видимо, позволяя Чернову в доброжелательных тонах характеризовать драму ницшеанского сверхчеловека [32, с. 77–97].

Обратимся к такому принципу, как **максимальная польза (выгода) и наибольшее удовольствие**. Этот принцип изменялся в своей нравственной наполненности. На чаше весов общества – зло (страдание) и добро (удовольствие, наслаждение). Удовольствия могут быть различны по по-

следствиям, угрозам для индивидов и всего общества, но главное, чтобы воздаяние в процессах наказания и поощрения, обмена и распределения благ были справедливыми. И. Бентам делал акцент на безопасности общества, а не на правах человека или гарантиях свободы. Общество *равной справедливости* поддерживает любые, даже далекие от моральной чистоплотности устремления к счастью. Право на счастье изначально для человека. Убийства, наркотики, пагубные игровые страсти могут сделать индивида счастливым, доставить удовольствие. И. Бентам не решал вопроса о продолжительности, силе, масштабах и последствиях удовольствий для данной отдельной личности и для других. Разные люди фактически по-разному получают удовольствие и становятся счастливыми.

С социальной стороны необходимо было отойти от суммирования полезности в оценках деяний и утилитаристских правил (Милль, 1900).

Представления о свободе Дж.Ст. Милль распространяет и на экономическое поведение человека, решившегося на производство товаров для удовлетворения желаний людей. Осчастливливание потребителей не ставится предпринимателем-капиталистом как самоцель. Он действует по принципу разумного эгоизма. Удовлетворяя свои желания, капиталист испытывает удовольствие-счастье и попутно содействует благу потребителей. Последнее не мешает капиталисту следовать своему интересу.

Заметим, что становление дикого, хищнического капитализма стирало утилитарный налет на взаимодействии капиталистов с потребителями. Забота о прибыли для себя находится в центре жизненных устремлений капиталиста. Жизнь убежда-

ет, что на практике социальная ориентация бизнеса и предпринимательства, особенно в стадии первоначального накопления капитала, не имеет нравственных оснований.

Милль ввел своеобразные поправочные ограничения к *принципу полезности (пользы)*: удовольствие, делающее человека счастливым, не должно приносить вред, страдание другим людям. Охранительное разграничение частных принципов «польза к удовольствию» и «**польза к удовольствию без страдания**» вынуждало вводить поправки и к принципу справедливости: потребовались оценки поведения (деяния, поступка, порыва, всего поведенческого акта) со стороны; нужен был критерий границ дозволенного, границ свободы индивида.

В отечественной социологии была своеобразная дискуссия о границах дозволенного, на эту тему писал статьи М.М. Ковалевский, ставя вопрос не только о генетических основаниях восприятия дозволенного в обыденном сознании людей, но и о социально ориентированных пределах дозволенности [15, с. 84–108]. В социологии выдвигались требования: определить критерий наличного счастья и утрат счастья (например, за счет самопожертвования); учитывать меру увеличения общей пользы от стеснения, притеснения или вытеснения «меньшинства», снижения разнообразия желаний индивидов ради удовольствия одних и удовлетворения желаний многих, общества в целом.

Российский ученый Н.Я. Грот попытался углубить психологические основы утилитаристских принципов. В утилитаризме был сделан переход от морали рассудка к морали чувств. Принцип **разумного эгоизма** (Н.Г. Чернышевский) представляется как попытка получить собственное удовольствие от блага, сделанного для других.

Грот предлагал не пренебрегать исследованием Дж.Ст. Милля «О заблуждениях» (из кн. «Система логики», т. 2) и учитывать развитие центральной нервной системы человека, физиологию его мозга, внутренние ощущения человека, богатство субъективной жизни. Под субъективным внутренним богатством человека понимались не только страсти и обилие чувств, но и интенсивность, разнообразие идей, продуктов деятельности сознания. Ник. Грот ставит вопрос о диспропорциональности «чувствований» человека, о равновесности накопленных сил, о соотносительности подъема и упадка в жизненной энергии человека, подогреваемого стремлением к удовольствию. Работа не может быть равна наслаждению, а усталость – страданию и только. Несмотря на предельную усталость, человек может получать удовольствие от вдохновляющей работы. Интерес и вдохновение способны вызвать прилив умственных и физических сил, настроить человека на последующее удовольствие от работы.

Н.Я. Грот выводит *закон равновесности (равновесия) удовольствий и страданий*. Он анализирует доктрины утилитаристов и подводит физиологические и психологические основания под проявления удовольствия и страданий. Доводы его сводятся к следующему. Энергия ума и тела истощается и пополняется под влиянием наших чувствований. В больших массивах фактов наблюдается саморегуляция, обеспечивающая возвращение отклонений в равновесное и равноправное состояние. Утрата наслаждений в одних случаях восполняется удовольствиями в других случаях. Причины наслаждений в нашем сознании и организме. Вне нашего сознания и организма лежат «толчки и поводья» к образованию чувствований. Жизнь препода-

носит исключения из правил. Например, «богатство не всех утешает, а, напротив, многих людей тяготит; крайняя бедность иными переносится терпеливо и без видных страданий». Субъективными реакциями на утраты, страдания могут быть смирение перед судьбой, религиозное всепрощение, покорность, даже смерть, а у некоторых – прилив сил для мести или возвращения утраченного. Величина испытанных страданий восполняется счастьем нового обретения. Страдания заставляют человека искать возмещения в реальных или придуманных благах, удовольствиях.

Грот рассматривает искупительную роль страданий, возмещающее воздействие страданий на счастливых людей, у которых удовольствия стали рутинной жизни. Счастливые богачи, к примеру, ищут в страданиях искупление от пресыщенности роскошью. Это может быть болезнь, скука, недостижимость желаний, внезапное проявление достоинства со стороны бедных и зависимых людей.

Полемика, сновидения, помешательства могут отражать дисгармонию состояний человека, служить водорезами счастья. Полное счастье немислимо, это утопия. Заметим, что равновесие исключает нарушение меры в проявлении чувствований. Излишнее сострадание к ближним (например, к пьяницам в семье) или зависть к счастливым разрушают личность человека. Нарушение баланса сопровождается разочарованием.

Грот отмечает неуловимость счастья. Например, у всемогущего человека могут быть угрозы: он может страдать от непосильного бремени власти и вмененных обязанностей, от боязни потерять власть, от отягощающей его ответственности перед подчиненными и начальниками.

Николай Грот раскрывает содержание выведенного им *закона удовольствия*: а) счастливое событие доставляет удовольствие при равновесии или предшествующем избытке страдания; должен оставаться субъективный простор для новых удовольствий; б) если ранее мера удовольствия превысила меру страдания, то человек не готов радоваться новому счастливому событию (пресыщен счастьем); в) всякое испытанное удовольствие будет возмещено в дальнейшем страданиями; г) при нарушении перечисленных требований закона наступают физические расстройства организма или психические расстройства сознания, что выравнивает баланс, восполняет те страдания, которые вывели человека из нормального состояния.

Назидательный вывод Н.Я. Грота: человек должен понять, что всякий труд сопровождается определенными страданиями, а лишения нередко восполняются удовольствиями. Их сочетание ведет к относительному счастью.

Грот отмежевывается от социально-философских, якобы ненаучных утилитаристских объяснений счастья. Он подчеркивает, что научное понятие счастья не сводится к сумме возможностей как можно большего числа удовольствий и радостей. Счастье – равновесие удовольствий и страданий в отношении качества и порядка их смены [9, с. 867].

Исследователи отмечают у Милля стремление ранжировать удовольствия и страдания. Выявлено, что он предлагает семь характеристик удовольствия: *интенсивность, продолжительность, определенность, близость по времени, плодотворность* (к новому), *чистоту* (без примеси страданий), *распространенность* (на других).

Милль не принял утверждения Бентама о доминировании количества (объемов) удовольствия над их качеством. Он признавал важность не только физических удовольствий, но и духовных. У него мы находим типологию удовольствий, деление их на низменные и высокие (Вундт, 1887). Люди не сводят свои потребности к скотским побуждениям и удовольствиям. Люди обладают чувством собственного достоинства, которое предохраняет их от деградации удовольствий и желаний, их озверения. Дж.С. Милль утверждает: «Чем большими способностями одарен человек, тем большего требуется для его счастья, тем сильнее чувствуются им страдания, и самые страдания его тем многостороннее, – но, несмотря на все это, никогда не пожелает он, чтобы его судьба заменилась другою, которая, по его собственному сознанию, составляет низшую ступень существования» [22, с. 100–103]. Ценными по приоритету являются свободно удовлетворенное желание и то удовольствие, которое имеет общественное одобрение, разделяется большим числом людей.

Политика в контексте утилитаризма

Представитель этического социализма Г. Мабли рассматривал политические проблемы в русле утилитаристского подхода. Главное препятствие на пути социального прогресса – эгоизм. Мабли рисует социальный идеал, основанный на принуждении и деспотизме. Поскольку высшая задача политики – общественное благо, граждане должны жертвовать личной выгодой, а правительство должно подчинять граждан интересам отечества и применять принудительные меры к личному интересу и эгоизму ради высшего блага народа. Но Мабли

выступает против злоупотреблений власти, приходит к идее полного подчинения исполнительной власти законодательной и букве законов [21, с. 340].

Полагаясь на масштабное большинство, утилитаристы не выдвигают требования компетентной оценки происходящего или перспектив прогресса. Преодолеть предубеждения сложно. Закрепощенный разум людей не верит, что образованная часть общества способна ради удовольствия и собственного счастья просвещать народ, использовать свои знания во благо людей в политике.

Наилучшим общественным устройством в утилитаризме признается то, где политическое влияние и действие осуществляются на основании справедливости и свободы, при этом устраивается максимальное счастье для максимального числа людей данного общества. Такое достижимо, если следовать установленным законам и нравственным помыслам и действиям.

Размышления Милля об индивидуальной свободе позволяют обострить вопросы о гарантиях прогресса в обществе и роли государства. Условием развития личности он считает свободу мысли, мнений, действий, личной жизни, выбора цели. Личность усредняется в условиях массовой демократии. Государство вторично по отношению к свободе индивида. Оно призвано противостоять вседозволенности, самочинству, деградации народа. Государство таково, каков народ, но дух свободы отдельного человека – это двигатель прогресса. Государство в целях самосовершенствования обязано поддерживать порядок, установленный на основе свободы личности. Индивиды выступают центрами улучшения общественной жизни. Государство устанавливает правила взаимодействия с

индивидами и само повинуется порядку, обязуясь не нарушать законные права и интересы людей.

Дж.Ст. Милль проводит идею представительного правления и непосредственного участия индивидов в государственной власти. Им признается необходимость разделения исполнительной и законодательной власти. Представительные собрания не должны подменять администрацию и вмешиваться в «частности» государственного управления. Только практическая целесообразность может быть оправданием вмешательства правительства в детали управления на низовых уровнях общественной жизни. Милль против неограниченной власти государственных чиновников. Государственная бюрократия мешает свободе народа, парализует чувство социальной ответственности и унижает личное достоинство свободного индивида.

Исследователи утилитаризма отмечали неприятие Миллем фатального влияния необходимости на волеизъявление индивида. Предопределенность делает человека безвольным, лишает его личной ответственности за предпочтения и выбор. Поступок, по Миллю, результат борьбы разных причин. Мы участвуем в образовании своего характера, формируем нравственную свободу как способность изменять личный характер и обстоятельства жизни, наши умственные побуждения. Свобода воли требует ответственности, она не должна быть самопроизвольной, неким незаконным действием. Индивид лично участвует в своем становлении, ревизует обстоятельства жизни, желания и отвращения – внутренние побудители воли. Он развивает совесть – желание поступать по справедливости [25, с. 3–11].

Обустройство общества в соответствии с классическим и поздним утилитаризмом

идет через такие институты, как тюрьмы, образовательные учреждения, банки, рабочие дома. Воздействие институтов направлено на сближение интересов людей. Приоритет отдается принципам предельной полезности, справедливости и совмещения обязанностей и интересов. Утилитаристский эгалитаризм предполагает, что можно дать счастье людям от перераспределения богатств между бедными и богатыми.

И. Бентам трактовал общий интерес общества как совокупность индивидуальных интересов, т. е. механистически. Но регулятором мыслились устремления многих людей к счастью без страданий.

Фактически утверждалось, что большинство индивидов всегда право, весомость доказательств правоты не требовалась.

В русле утилитаристских исходных посылок и принципов классики утилитаризма связывают политику и нравственность, характеризуют нравственные устои политического.

Джон Стюарт Милль предложил механизм установления баланса, равновесия личных и общественных интересов. Гармонизация интересов осуществляется с помощью законов. Общество представлялось коллективным целым, но разрывающимся за пределами индивидуальной жизни.

Современники Дж.Ст. Милля проявили интерес к концепции утилитаризма и поведению, основанному на реализации принципов утилитаризма. Исходные положения утилитаризма обсуждались, обновлялись в русле научных интересов, критически осмысливались, перерабатывались.

Многие зарубежные и отечественные социологи откликнулись на такую проблематику, как прогресс, свобода воли, социальная ответственность, общественная польза.

Отголоски утилитаризма чувствуются и в современной политической практике. Сегодня утилитаризм как отголосок наработанных правил обустройства жизни и размышлений о побудителях отношений между людьми приобретает свое «второе дыхание» в научном мире и политических практиках.

Утилитаризм оказывается актуальным для социальной реабилитации людей, возрождения и укрепления нравственных начал в политической социализации личности, спасения локальности от некоторых пагубных последствий тотальной глобализации в условиях ослабления социокультурных регуляторов нашей жизни.

Утилитарная справедливость, являясь социализирующим инструментом, сегодня политизирована, декларируется как лозунг дня и политическая вывеска. Если утрачивается внимание к конкретному человеку, индивиду и в сознании лидеров, заботящихся об общем благе, появляется близкое «люди» или «массы». Это служит признаком разделения страны на «продвинутых», активных, решающих судьбы других, и на некое «молчаливое большинство», якобы не способное на рациональную коммуникацию, нечто смутное, рыхлое, вязкое (Ж. Бодрийяр). Появляется иллюзия, что «молчаливое большинство», в котором потеряна уникальность отдельного человека, позволяет выдвинувшимся на политическую авансцену и ставшим заметными лицам говорить от своего имени. Нет делегирования полномочий масс по умолчанию.

В обществе демонстрируются новые формы политической и социальной мобилизации разных людей с различными устремлениями и мотивами гражданской активности. В «лихие» 1990-е годы мы заметили в своих исследованиях по программе

«Кузбасс-политика», что различными формами политического участия увлекаются максимум 2...3 % взрослого населения, но в акциях нередко участвуют одни и те же лица, переключиваются с одной протестной площадки на другую, знают друг друга в лицо, ходят как на политические задания. Сегодня наблюдается единение людей, выстраивающих свои позиции на нравственных устоях; появляется готовность к соучастию и действенной поддержке Других. Наряду с этим проявляются факты, когда политическая порывистость порождает охлократические всплески. Главным становится целенаправленная мобилизация сторонников и попутчиков с последующей организацией лиц, находящихся в мобилизационной готовности и в приемлемой политической форме.

Мы убеждаемся, что изменяется наше каноническое представление о делении оппозиции на непримиримую (никаких компромиссов, никакого взаимодействия, кроме борьбы за власть до победного конца) и конструктивную, способную вести гражданский диалог с населением, политический диалог и торг с властью, предлагать свои способы решения общих проблем во имя общего блага страны и народа и постепенно, в рамках конституционной законности готовить почву для обновления или смены власти.

Сегодня в мире очевидна попытка политического реванша со стороны тех выдвинутых (из групп интересов, толпы, партий, самостоятельных движений), которые не довольствуются тем, чтобы быть услышанными властью, а хотят вхождения во власть любой ценой, на плечах «массовки» и поднятых политических прытков искоушенного кадрового состава публичной политики.

Требование политической реабилитации прошлого, пересмотра исторических оценок поведения «дедов» (предыдущих поколений, как это видели на украинском Евромайдане) составляет личную выгоду этих людей, но невнимание власти к проблеме политической реабилитации и использованию сил бывших лидеров оборачивается искаженными формами политического участия, трансформирующегося в военно-политическое. Вместо демократичного волеизъявления меньшинства мы получаем охлократические эффекты массовости и агрессивного волеизъявления под прикрытием напористой публичной защиты со стороны оппозиционных сил и кадровых суфлеров. Политическая практика демонстрирует обществу кентавр-проблему, соединение несоединимого (Гоценко, 2011), попытки явочного введения форм так называемой непосредственной демократии. Гражданский и политический диалог подменяется в одних случаях агрессивностью, неприкрытой грубостью и жестокостью, а в других – криками отчаяния, последней надежды, личным дихотомическим выбором: «или – или». Недальновидные действия власти, ставшей в момент противостояния реальной силой с соответствующими символами, перекрывают путь к обсуждению, пониманию и принятию позиций взаимодействующих сторон. Правовые и социокультурные нормы, нравы перестают быть регуляторами отношений в ситуациях массового противостояния.

Накопившиеся представления о фактах дискриминационного, бездушного отношения чиновников, органов власти к интересам меньшинства, равно как пренебрежение к воле большинства, служат детонатором политических взрывов. К сожалению,

справедливость и свобода не сочетаются в этом случае с социальной ответственностью и общей пользой, благом всего народа. Современный актуальный принцип политического реализма теряет свое кровное родство с принципами социального утилитаризма, апробированными многолетней практикой взаимодействий в социально-политической жизни.

Мы видим, что массовые скопления людей на площадях, улицах, скверах, в палаточных городках легко могут превратиться в алчущую толпу, пусть даже требующую справедливости, возмездия. Для кого? Чьими жизнями будут рассчитываться такие поборники непосредственной массовой борьбы за свою справедливость, если случится непредвиденное? Кому это выгодно? Камуфляж под общенародные интересы у протестных акций такого рода очевиден.

Далее. Идея партизанизации захлестнула политическое сознание «бывших» людей власти, ключевых фигур из 1990-х – начала «нулевых» и их сторонников. В политическом поведении новых оппозиционных партий культивируется дух непримиримости, агрессивность политического тона. Фактически получается эклектика, способная стать гремучей, взрывоопасной смесью во взаимодействиях с государственными силами. Сильная власть рано или поздно во имя общего порядка и интересов большинства населения страны ответит на несправедливые или слишком тенденциозные вызовы и угрозы. Да и терпение лояльного народа, проявляющего свою суверенную волю в избирательных предпочтениях и выборе, может закончиться к неудовольствию тех, кто раскачивает лодку согласия и повседневной стабильности. Возрождается практика силового противо-

стояния участников. Поводом служат чаще всего провокационные действия и нарушение заявленных условий проведения массовой акции, например, выход за рамки заявленного времени и пренебрежение к узаконенным демократической практикой формам политического участия, маршрутам следования.

Итак, утилитаристские принципы **общей пользы, справедливости, свободы, солидарности** в последние годы стали актуальными, хотя нередко служат дымовой завесой для партийного и корпоративного эгоизма, социального стяжательства и паразитирования, коррумпированности. Политическая практика указывает нам на противоречивое сочетание этих принципов и соединение их с правами личности, социальной и политической ответственностью. Однако перехват принципов и модификация их в мобилизационные лозунги дня, фрагменты программных документов, публичных выступлений и статей еще не означают адекватного практического осуществления этих принципов в интересах народа, его политической и социальной свободы, раскрепощения обыденного политического сознания масс от конфронтационности и приспособленчества.

Классический утилитаризм продемонстрировал тщательную проработку принципов, положенных в разъяснение идей. Современная критика утилитаристских принципов, сравнение их с принципом прагматизма или полное отождествление с принципом политического реализма не могут умалить значения данных принципов для организации, обустройства общественной жизни, формирования обыденного сознания нескольких поколений. Принципы просты, понятны, вполне поддаются прак-

тической комбинации в реальном поведении людей и их взаимодействиях. Кроме того, осмысление принципов позволяет развивать социологические построения социального комфорта, солидаризации интересов людей во имя прогресса и т. д. Можно утверждать, что и сегодня эти принципы в определенной мере могут учитываться в политических взаимодействиях и в организации политических практик.

Литература

1. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства / пер. Б.Г. Капустина. – М., 1998. – 416 с.
2. *Вундт В.* Введение в философию / под ред. А.А. Субботина. – М.: ЧеРо, Добросвет, 2001. – 256 с.
3. *Вундт В.* Этика. Исследование законов нравственной жизни. Ч. 1. – СПб.: Изд. ред. «Русского Богатства», 1887. – 260 с.
4. *Вундт В.* Этика. Исследование фактов и законов нравственной жизни. Ч. 1–2. Русское богатство. – 1887. – № 7. – С. 257–288; № 8. – С. 289–336; № 9. – С. 337–352; № 10. – С. 353–384; № 11. С. 385–416; № 12. – С. 417–452.
5. *Герье В.И.* Политическая теория аббата Мабли. Из истории публицистики XVIII века // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 1. – С. 124–158.
6. *Герье В.И.* Французский этик-социалист XVIII века // Русская мысль. – 1883. – Кн. 11. – С. 193–234.
7. *Герье В.И.* Средневековое мировоззрение, его возникновение и идеал // Вестник Европы. – 1891. – Кн. 1. – С. 172–196; Кн. 2. – С. 752–781; Кн. 3 (оконч.). – С. 5–29.
8. *Гольцев В.* Нравственность и право // Русская мысль. – 1885. – Кн. 4. – С. 26–36.
9. *Грот Н.* Психология чувствований в ее истории и главных основах. – СПб., 1880. – XIV, 569 с.
10. *Гюйо Ж.* История и критика современных английских учений о нравственности Собр. соч. в 5 т. Т. 3. – СПб.: О.Н. Попов, 1901.

11. Дьяконов М.Ю. Культурные ценности в утилитарном аспекте // Социальная политика и социология. – 2009. – № 5. – С. 250–255.
12. Кареев Н.И. К вопросу о свободе воли с точки зрения теории исторического процесса // Вопросы философии и психологии. – М., 1890. – Кн. 4. – С. 113–142.
13. Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности: пролегомены по этике. – 3-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 172 с.
14. Каро Г.Э. Литтре и позитивизм // Русская мысль. – 1884. – № 1. – С. 295–335; продолж. в № 2, с. 198–220; № 3, с. 123–148; № 4, с. 78–105; оконч. в № 5.
15. Ковалевский М.М. Декларация прав человека и гражданина // Юридический вестник. – 1889. – № 8. – С. 450–477.
16. Ковалевский М.М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии: сб. IV. Генетическая социология / под ред. М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти. – СПб., 1914. – С. 84–108.
17. Крживицкий А. Генезис идей Мир // Божий. – 1896. – № 5. – С. 17–43.
18. Куренной В. Этика добродетели: предисловие к публикации // Логос. – 2008. – № 1 (64). – С. 59–69.
19. Летурино Ш. Нравственность. Развитие ее с древнейших времен до наших дней. – СПб.: Н.С. Аскарханов, 1908. – 434 с.
20. Летурино Ш. Прогресс нравственности; пер. с фр. – СПб.: Ф. Ф. Павленков, 1910. – XVI, 384 с.
21. Мабли Г. Избранные произведения. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 340 с.
22. Мальцев А.П. Нравственная философия утилитаризма. Историко-критическое исследование. – СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского, 1879. – 359 с.
23. Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. – 3-е изд. – СПб., 1900.
24. Н. М. Критика утилитаризма. Нравственная философия утилитаризма. Историко-критическое исследование А. Мальцева // Отечественные записки. – 1879. – № 1. – С. 187–205.
25. Осипова Ю.В. Отрицательный и положительный утилитаризм в современной аксиологии // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 2. – С. 38–41.
26. Пирогов Г.Г., Ефимов Б.А. Социальная справедливость: генезис идей // Социс. – 2008. – № 9. – С. 3–11.
27. Россель Юр. Джон Стюарт Милль и его школа. Статья 6-я // Вестник Европы. – 1874. – Кн. 8. [Начало в кн. 5, 6, 7].
28. Сабуров Е.Ф. От дисциплинарного империализма к гедонистическому утилитаризму // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 124–130.
29. Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. – М.: Тип. Н. Клочкова, 1911. – 230 с.
30. Хвостов В.М. Социальная связь // Вопросы философии и психологии. – 1918. – Кн. 141–142. – С. 49–84.
31. Хвостов В.М. Этика Ницше // Русская мысль. – 1905. – № 7. – С. 50–51; оконч. № 12.
32. Хвостов В.М. Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма. – М.: Тип. тов-во И.Н. Кушнерева, 1912. – 176 с.
33. Чернов В.М. Этика и политика: очерки. I–III // Наука и перепутья Заветы. – 1912. – № 2. – С. 55–86; IV. Моральный идеализм без идеала // Заветы. – 1912. – № 3. – С. 90–120; оконч.: V. Моральный минимум // Заветы. – 1912. – № 7. – С. 77–97.

SOCIAL UTILITARIANISM: PRINCIPLES, RELATION WITH POLICY

L.L. Shpak

Kemerovo State University

shpakll@mail.ru

In this article the beginnings and principles of social utilitarianism in historical-sociological aspect and interconnections with policy are characterized. The author does not identify the social utilitarianism and cold pragmatism, which is indifferent to people's fate and based on here-and-now profit. Political realism, which is useful enough for interactions at the institutional level of subjects, and social utilitarianism can't be also identified. The main emphasis is on socially comfortable people's coexistence in society for development interests of identity, included in policy for social relations and transformations as well as social practice. In this article the massovization's inconsistency of ideas that are under flag of social life governmentalization and domination of institutions above identity, is stressed. The author considers the formation of utilitarianism's principles in the historical-sociological aspect.

Keywords: Social utilitarianism, principles of social utilitarianism, personality, policy, massovization of ideas, political practices, social relationships.

References

1. Bentam I. *Vvedenie v osnovanie npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the foundation of morals and legislation; lane. B.G. Kapustin.]; per. B.G. Kapustina. Mos-cow. Moscow Publ., 1998. 416 p.
2. Vundt V. *Vvedenie v filosofiju; pod red. A. L. Subbotina* [Introduction to Philosophy; ed. AL Subbotin] Moscow. CheRo. Dobrosvet Publ., 2001. 256 c.
3. Vundt V. *Jetika. Issledovanie zakonov npravstvennoj zbizni*. Ch. 1. [Ethics. Investigations of Moral Laws in Life] Saint-Peterburg. Russkoe bogatstvo Publ. 1887. 260 p.
4. Vundt V. *Jetika. Issledovanie faktov i zakonov npravstvennoj zbizni*. Ch. 1-2 Saint-Peterburg. Russkoe bogatstvo Publ. 1887. № 7. p. 257-288; № 8. p. 289-336; № 9. p. 337-352; № 10. p. 353-384; № 11. p. 385-416; № 12. p. 417-452.
5. Ger'e V.I. *Politicheskaja teorija abbata Mablj. Iz istorii publicistiki XVIII veka Vestnik Evropy*. [Political Theory Abbé Mably. From the history of journalism XVIII century Journal Europe] 1887. Kn. P. 124-158.
6. Ger'e V.I. *Francuzskij jetik-socialist XVIII veka Russkaja mys'* [Guerrier French socialist ethics XVIII century Russian thought] 1883. Kn. 11. S. 193-234.
7. Ger'e V.I. *Srednevekovoe mirovozrenie, ego voznikovenie i ideal Vestnik Evropy* [Guerrier VI medieval outlook, his appearance and ideal Herald of Europe] 1891. Kn. 1. P. 172-196; Kn. 2. P. 752-781; Kn. 3 (okonch.). P. 5-29.
8. Gol'cev V. *Npravstvennost' i pravo Russkaja mys'* [Morality and Law Russian thought] 1885. Kn. 4. S. 26-36.
9. Grot N. *Psibologija chuvstvanij v ee istorii i glavnyh osnovah* [Psychology of feelings in its history, and major foundations.] Saint-Petersburg, 1880. – XIV, 569 p.
10. Gjujo Zh. *Istorija i kritika sovremennyh anglijskih uchenij o npravstvennosti* [Guillot History and criticism of modern English teaching on morality] Sobr. Soch. V. 5 tt. T. 3. Saint-Petersburg: O. N. Popov, 1901.
11. D'jakonov M.Ju. *Kulturnye cennosti v utilitar-nom aspekte Social'naja poli-tika i soci-ologija* [Deacons M. Yu Cultural Values in the utilitarian aspects of social poly-tick and sociology] 2009. № 5. P. 250-255.
12. Kareev N.I. *K voprosu o svobode voli s tochki zrenija teorii istoricheskogo processa Voprosy filosofii i psibologii* [On the question of free will from the point of view of the theory of the historical process of the

- pro-Problems of Philosophy and Psychology] Moscow. Moscow Publ., 1890. Kn. 4. P. 113-142.
13. Kareev N.I. *Mysli ob osnovah npravstvennosti: prolegomeny po jetike*. 3-e izd. Saint-Petersburg: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1905. 172 p.
14. Karo G.Je. *Littre i pozitivizm. Russkaja mysl'* [E. Littre and positivism. Russian thought] 1884. № 1. P. 295-335; pro-dolz. v № 2, p. 198-220; № 3, p. 123-148; № 4, p. 78-105; okonch. v № 5.
15. Kovalevskij M.M. *Deklaracija prav cheloveka i grazhdanina Juridicheskij vest-nik* [Declaration of Human Rights and Legal Citizen Law Gazette] 1889. № 8. P. 450-477.
16. Kovalevskij M.M. *Obosoblenie dozvolennyh i nedozvolennyh dejstvij Novye idei v soci-ologii*. sb. IV. Geneticheskaja sociologija pod red. M.M. Kovalevskogo, E.V. de Roberti. Saint-Petersburg, 1914. P. 84-108.
17. Krzhivickij L. *Genesis idej Mir Bozhij* [Genesis ideas. Peace of God] 1896. № 5. P. 17-43.
18. Kurennoj V. *Jetika dobrodeteli: predislovie k publikacii Logos* [Virtue ethics: an introduction to the publication of the Logos]. 2008. № 1 (64). P. 59-69.
19. Leturno Sh. *Npravstvennost'. Razvitie ee s drevnejshih vremen do nashih dnei* [Morality. Its development from ancient times to the present day] Saint-Petersburg: N.S. Askarhanov, 1908. 434 p.
20. Leturno Sh. *Progress npravstvennosti; per. s fr.* [Progress of morality] Saint-Petersburg: F.F. Pavlenkov, 1910. XVI, 384 p.
21. Mabl' G. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works] Moscow-Leningrad. Izd. AN SSSR Publ, 1950. 340 p.
22. Mal'cev A.P. *Npravstvennaja filosofija utilitarizma. Istoriko-kriticheskoe is-sledovanie* [Moral philosophy of utilitarianism. Historical-critical IP-adherence] Saint-Petersburg: Tip. F.G. Eleonskogo, 1879. 359 p.
23. Mill' Dzh.S. *Utilitarianizm. O svobode* [Utilitarianism. On Freedom] 3-e izd. Saint-Petersburg, 1900.
24. A. Mal'ceva N.M. *Kritika utilitarizma. Npravstvennaja filosofija utilitarizma. Istoriko-kriticheskoe issledovanie Otechestvennyje zapiski* [Critique of utilitarianism. Moral philosophy of utilitarianism. Historical-critical IP-adherence] Saint-Petersburg: Tip. F.G. Eleonskogo, 1879. 359 p.
- Moral philosophy of utilitarianism. Historical-critical study Maltsev Notes of the Fatherland] 1879. № 1. p. 187-205.
25. Osipova Ju.V. *Otricatel'nyj i polozhitel'nyj utilitarizm v sovremennoj aksiologii Gumanitarne i social'no-jeconomicheskie nauki* [The negative and positive utilitarianism in modern axiology humanitarian and socio-economic sciences] 2010. № 2. P. 38-41.
26. Pirogov G.G., Efimov B.A. *Social'naja spravedlivost': genezis idej Socis* [Social justice: the genesis of ideas Socis] 2008. № 9. p. 3-11.
27. Rossel' Jur. *Dzhon Stjuart Mill' i ego shkola*. Stat'ja 6-ja. Vestnik Evropy [Mill and his school. Article 6-I. Herald of Europe] 1874. Kn. 8. (Nachalo v kn. 5, 6, 7).
28. Saburov E.F. *Ot disciplinarnogo imperializma k gedonisticheskomu utilitarizmu* [From a disciplinary imperialism to hedonistic utilitarianism Social Sciences and Modernity] 2008. № 6. P. 124-130.
29. Hvostov V.M. *Npravstvennaja lichnost' i obshchestvo. Ocherki po jetike i sociologii* [Moral individual and society. Essays on ethics and sociology] Moscow. Moscow Publ.: Tip. N. Klochkova, 1911. 230 p. 124-130.
30. Hvostov V.M. *Social'naja svjaz' Voprosy filosofii i psihologii* [Communication Social Problems of Philosophy and Psychology] 1918. Kn. 141-142. P. 49-84.
31. Hvostov V.M. *Jetika Nicshe Russkaja mysl'* [Ethics Nietzsche Russian thought] 1905. № 7. P. 50-51; okonch. № 12.
32. Hvostov V.M. *Jetika chelovecheskogo dostoinstva. Kritika pessimizma i optimizma* [Ethics of human dignity. Criticism of pessimism and optimism] Moscow. Moscow Publ. Tip. tov-vo I. N. Kushnerova, 1912. 176 p.
33. Chernov V.M. *Jetika i politika: ocherki* [Ethics and Politics: Essays] I-III. *Nauka i pereput'ja Zavety*. [Science and byways Covenants] 1912. № 2. P. 55-86; IV. *Moral'nyj idealizm bez ideala Zavety*. [Moral idealism without an ideal Covenants.] 1912. № 3. P. 90-120; okonch.: V. *Moral'nyj minimum Zavety*. [Moral least Covenants]. 1912. № 7. P. 77-97.